

DOI 10.31250/2618-8619-2023-1(19)-44-54

УДК 39(=511.2)

Ольга Борисовна Степанова

Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН

Санкт-Петербург, Российская Федерация

ORCID: 0000-0002-2130-2695.

E-mail: stepanova67@mail.ru

Образ собаки в мировоззрении селькупов

АННОТАЦИЯ. Мифологическая собака селькупов в своем образе отразила все концепции животного, которые выделяются в селькупском мировоззрении: анимистическую, согласно которой животное — это дух, существо потустороннего мира; тотемическую, чей постулат сводится к тому, что все селькупские роды ведут свое происхождение от животных; мирообразовательную, определяющую, что животное-предок создает элементы мироздания и постулирует законы жизни общества; концепцию совмещения в животном-духе антропоморфного и зооморфного облика; концепцию дуальности, сообразно которой духи-животные характеризуются поступками полярной направленности; идею о воплощении вселенной в гигантском животном-предке с сочетающимся с ней механизмом перехода границы земного и потустороннего миров и принципом циркуляции между мирами человеческой души, на участке инобытия приобретающей черты животного-предка. Собака была не диким, а домашним животным, поэтому в мифологии языком метафор подчеркиваются ее особые черты: собака живет вместе с человеком, равна человеку по умственным способностям, но при этом вынуждена служить ему тяжело и бескорыстно. Особенным качеством собаки также обозначается ее способность чужь духов и врагов и сообщать об их приближении человеку. В мифологических представлениях селькупов нашла отражение роль, которую играла собака в их хозяйственной деятельности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: селькупы, мифология, мировоззрение, собака, концепции животного

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Степанова О. Б. Образ собаки в мировоззрении селькупов. *Кунсткамера*. 2023. 1(19): 44–54. doi 10.31250/2618-8619-2023-1(19)-44-54

Olga Stepanova

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences
Saint Petersburg, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-2130-2695
E-mail: stepanova67@mail.ru

The Image of a Dog in the Worldview of the Selkups

ABSTRACT. The aim of the study was to consider the image of a dog in the worldview of the Selkups. This problem is still poorly understood, which emphasizes its relevance and significance. As a result of the study, the following conclusions were drawn. The mythological dog of the Selkups in its image reflected all the concepts of the animal that stand out in the Selkup worldview, namely: animistic, according to which the animal is a spirit, a creature of the other world; totemic, whose postulate is that all Selkup clans are descended from animals; world-forming, which determines that the animal-ancestor creates the elements of the universe and postulates the laws of the life of society; the concept of combining anthropomorphic and zoomorphic appearance in the animal-spirit; the concept of duality, according to which animal spirits are characterized by actions of a polar orientation; the idea of the embodiment of the universe in a giant animal ancestor with the mechanism of crossing the border between the earthly and other worlds combined with it and the principle of circulation between the worlds of the human soul, in the area of otherness acquiring the features of an animal ancestor. The dog was not a wild, but a domestic animal, therefore, in mythology, the language of metaphors emphasizes its special features: a dog lives with a person, is equal to a person in mental abilities, but at the same time is forced to serve him hard and disinterestedly. A special quality of the dog is also indicated by its ability to smell spirits and enemies and report their approach to a person. The mythological representations of the Selkups reflected the role that the dog played in their economic activities.

KEY WORDS: Selkups, mythology, worldview, dog, animal concepts

FOR CITATION: Stepanova O. The Image of a Dog in the Worldview of the Selkups. *Kunstkamera*. 2023. 1(19): 44–54. (In Russian). doi 10.31250/2618-8619-2023-1(19)-44-54

ВВЕДЕНИЕ

Значение собаки в хозяйственной жизни селькупов трудно переоценить. С древнейших времен она помогала селькупам в охоте, значительно повышая ее эффективность, исполняла сторожевые обязанности, защищала хозяев и их движимое имущество от хищников. До середины XX в. собака служила селькупам ездовым животным. В период, когда в селькупских совхозах практиковалось крупностадное оленеводство, собака выполняла пастушеские/оленегонные функции.

Хозяйственному сегменту системы жизнеобеспечения народа всегда соответствует ее идеологическая составляющая, поэтому в селькупском мировоззрении собака тоже занимает видное место. В статье рассматриваются мифологические представления селькупов о собаке. Изучение собаки как элемента селькупской системы мировоззрения имеет значение для науки, способствует сохранению селькупской культуры и помогает коренным народам Севера в поиске новых форм этничности.

Мировоззрение селькупов многократно становилось объектом научного анализа и описания. К информативно емким работам по этой теме следует отнести труды Г. Н. Прокофьева (1935), Е. Д. Прокофьевой (1961), Г. И. Пелих (1972; 1998), И. Н. Гемуева (1984), А. В. Головнёва (1995), О. Б. Степановой (2008), А. И. Кузнецовой (2004), а также сборник «Народы Западной Сибири. Ханты, манси, селькупы, ненцы, энцы, нганасаны, кеты» (2005) и др. Эти работы содержат необходимые материалы о мифологической собаке и ее окружении, определяющем контексты, в которые поставлен ее образ. Единственная публикация, посвященная отдельно собаке в мировоззрении селькупов, — краткие тезисы А. В. Байдак, Н. П. Максимовой, Н. А. Тучковой «Собака в языке и мифологии селькупов» (2010) — называет несколько связанных с собакой комплексов представлений, в частности представления о происхождении собаки, трансляции собакой людям божьей воли и др.

Главным методом изучения селькупской мифологической собаки мы выбрали семантический анализ. Теоретическую основу исследования составили разработки автора по теме селькупских представлений о душе, охватывающие вопросы, связанные с образами мифологических животных и их функциями (см., например: Степанова 2008). Анализ темы души опирался на теоретические труды ученых эволюционистского направления и школы структурной антропологии (см., например: Леви-Стросс 1985), а также работы В. Я. Проппа (2005) и А. ван Геннепа (1999). При исследовании круговорота души в селькупской вселенной в структуре и действиях образов мифологических животных был выявлен ряд закономерностей, которые могут быть представлены как концепции животного в мировоззрении селькупов:

- 1) анимистическая — любое животное — это дух, существо потустороннего мира, обладающее магическими способностями;
- 2) тотемическая — селькупские роды ведут свое происхождение от животных, животное в селькупском мировоззрении — дух-предок, первопредок;
- 3) мирообразовательная/космогоническая — животное-предок создает элементы и постулирует законы мироздания;
- 4) концепция совмещения в животном-духе антропоморфного и зооморфного облика;
- 5) идея о воплощении вселенной в гигантском животном-предке со связанным с ней механизмом перехода человеком границы миров и расширяющей ее (6) идеей о непрерывности бытия и циркуляции между мирами человеческой души / жизненного начала, на участке инобытия приобретающего облик или черты животного-предка;
- 7) концепция дуальности, согласно которой духи-животные характеризуются чертами и поступками полярной окраски/направленности¹.

¹ Концепции животного выделены из идей более широкого спектра действия, все концепции относятся не только к животному, но и к духам иного облика, а п. 7 применим не только к духам.

В изучении селькупской мифологической собаки эти концепции служили исследовательским инструментом и оказали существенную помощь в систематизации и создании трактовок ее образа.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Начать исследование следует с рассмотрения мифа о происхождении смерти, в котором собака выступает виновницей того, что люди стали смертными. Этот миф занимает центральное место в комплексе селькупских мифологических материалов о собаке. Текст мифа записан в нескольких редакциях, их отличия имеют решающее значение для понимания некоторых особенностей образа собаки. Приведем сокращенные пересказы версий мифа, сохраняя содержание, нужное для анализа.

В первом варианте мифа живший давно человек почему-то вдруг умер. Бог Неба *Ном* отправил своего сына *Ийя* сказать людям, чтобы они соорудили умершему *поры* (помост). *Ийя* спустился к людям и сказал, чтобы они закопали умершего в землю. *Ном* все видел и слышал. Он спросил сына по возвращении, как тот выполнил его поручение. *Ийя* соврал, ответив, что сделал все так, как попросил отец. Бог разгневался, ударил своего сына, и тот превратился в собаку. Спустил *Ном* его на землю и велел людям, чтобы раз в месяц его кормили ковшиком супа. С тех пор *Ийя* стал жить на земле собакой, а люди стали умирать (Головнёв 1995: 236; Кузнецова 2004: 142).

Согласно второму варианту, *Пари-Нум* (тот же Бог Неба) однажды услышал, что на земле горько плачут люди. Он послал своего сына *Кана* сходить на землю и узнать, что у них случилось. *Кан* спустился на землю, потом вернулся и рассказал отцу, что на земле умер первый человек, поэтому все плачут и не знают, что делать. Бог снова послал *Кана* на землю, чтобы тот сказал людям, что человека можно оживить, если положить ему в могилу в ноги камень, а в голову — трухлявую гнилушку. Когда человек станет оживать, он стукнется о трухлявую гнилушку, и она рассыплется, а ногами человек упрется в камень и встанет из могилы. *Кан* же, имея злобный характер своей старухи-матери-земли, сделал все наоборот. Он велел людям положить умершему в голову камень, а в ноги гнилушку. Когда покойник стал оживать и вставать, он уперся ногами в гнилушку, и она рассыпалась, а камень ударил его по голове. Он упал и окончательно умер. Так люди из-за *Кана* лишились бессмертия. Когда *Пари-Нум* узнал об этом, он рассердился и сбросил *Кана* на землю, превратив его в *канак* — собаку, и наказал, чтобы *Кан* жил у людей и питался тем, что они ему бросят. У собаки тогда еще не было шерсти, у нее было голое, как у человека, тело, и она сильно мерзла. Но *канак* была очень чуткой, она всегда слышала, как к людям подкрадывался медведь-людоед, и лаем предупреждала людей об опасности. Тогда медведь, чтобы взять собаку в союзники, дал ей шерсть, и она превратилась в «настоящую» собаку (Пелих 1998: 39).

В третьем варианте *Пари-Нум*, посылая *Кана* на землю (когда умер первый человек), велел сказать людям, чтобы те не закапывали человека в землю, а повесили на дерево, и тогда он оживет. *Кан* сделал все наоборот, поэтому люди стали умирать (Пелих 1998: 39).

По четвертому варианту, собака также сначала была человеком. «Когда земля родилась, человек одинаковый всюду был. Собака была такой же человек, как ее хозяин. Тело, голос и все остальное у собаки и человека было одинаковое. Собака была как ее хозяин — человек». Когда человек-хозяин умер, бог научил собаку, как его оживить: сказал положить на затылок гнилушку, а под ноги камень. Собака побежала, нашла гнилушку и камень, но, когда возвращалась, встретила *лоза* (черта, духа). *Лоз* убедил собаку сделать все наоборот. Стал человек оживать, уперся ногами в гнилушку — гнилушка сломалась, стал поднимать голову — камень ударил его по голове, и он снова упал и умер. Бог пришел, увидел, что человек умер «насовсем», рассердился на собаку за то, что черт ее обманул, дал ей шубу, как у чертей, и сделал ее такой, как теперешние собаки (Пелих 1972: 119).

Запустить анализ можно с не требующего доказательств вывода, что во всех версиях мифа собака выступает духом — существом потустороннего мира, обладающим магическими способностями (1-я концепция животного). Собака принадлежит к духам высокого мифологического статуса — первоначально она небожитель, сын Бога Неба и Богини Земли. Также на поверхности лежит наблюдение, что собака в мифе выступает в двух разных ипостасях — антропоморфной и зооморфной, смена ее состояний образует сюжетную линию: первоначально она была человеком, а затем превратилась в животное, в мифе подробно описывается, как это происходило (4-я концепция животного). Миф относится к категории этимологических/космогонических, поскольку рассказывает о происхождении таких элементов селькупского мироздания, как человеческая смертность и нормы/правила погребения, собака является «творцом» этих элементов, виновником их появления² (3-я концепция животного).

Другие концепции животного в рассматриваемом мифе выявляются уже труднее. Варианты мифа дают два разных первоначальных имени человека-собаки — *Ийя* и *Кан*. В селькупской мифологии *Ийя/Ий/Ый/Ия/Ича* — имя сложного персонажа-трикстера. Он «защитник селькупов», сын или внук старухи *Илынтыйль коты* — главного божества селькупов (предшественницы *Нома* в роли верховного духа и, по другой версии, его жены). *Ийя* совершает поступки противоположных оценочных знаков — как умные, добрые и удачные, так и глупые, злые и плохо для всех заканчивающиеся. Однако общий знак образа *Ийя* положительный. В мифологической семье божеств *Кан* приходится *Ийю* двоюродным братом. У него есть несколько других имен, он больше известен под именем *Кызы*. *Кан* является антиподом *Ийя*, хотя его образ тоже неоднозначен и отличается полярностью. В общем *Кан* злой, не любит людей, во всем соперничает с *Ийя*. *Кан* (особенно в лице своего аналога *Кызы*) соотносится с чертом, дьяволом. Образы *Ийя* и *Кана* вместе с собакой, которую они воплощают, подтверждают ее соответствие концепции дуальности. Если по тексту мифа не вполне понятна оценочная окраска действий собаки, то ее антропоморфные ипостаси вносят в этот вопрос ясность: они характеризуются чертами и поступками полярной окраски/направленности (7-я концепция животного).

В мифологии селькупов *Ийя* и *Кызы/Кан* — мифологические родоначальники двух экзогамных половин селькупского племени, групп «зятьев» и «тестей». Отношения между представителями этих половин, включая их родоначальников, селькупский фольклор описывает как противоборствующие, враждебные, в чем заключается своеобразный «закон жанра» (причины его рассматривались автором в отдельной публикации (Степанова 2022), к данному исследованию они имеют опосредованное отношение, поэтому расписываться здесь не будут). Из того, что *Ийя* и *Кан* были в верованиях селькупов мифическими родоначальниками, можно сделать вывод, что и собака, которая в них воплощалась, представлялась тотемным животным, животным-предком и первопредком (2-я концепция животного).

Существование у селькупов представления о собаке — тотемном животном, собаке-первопредке подтверждается другими материалами селькупского мировоззрения, лежащими уже за рамками мифа о происхождении смерти. По данным Г. И. Пелих, «*Лоз-сэг-канак* — черная собака — черт, хозяин Верхней Кети. Отрезок р. Кеть от Максимоярских юрт до Усть-Озерных считается особым, изолированным участком, сегментом земли. Это самостоятельный живой организм в образе черной собаки. Богатырский бугор у юрт Максимкин Яр — это голова собаки, р. Ломоватая, впадающая в р. Кеть у юрт Усть-Озерных — это хвост собаки. Левые притоки р. Кеть на этом отрезке — ноги собаки. Проезжающие по дороге от Максимкина Яра до Усть-Озерных часто видят в лесу черную собаку. “На нее нельзя замахиваться кнутом. Это наш бог”, — говорят селькупы. *Сэг-канак* считается тотемом местных селькупов» (Пелих 1998: 60).

В статье А. В. Байдак, Н. П. Максимовой и Н. А. Тучковой содержатся сведения о существовании в селькупском фольклорном фонде краткого текста о собакоголовых людях, пришедших

² Кроме того, космогонический миф о небесной охоте связывает собаку с созвездием Большого Ковша (Головнёв 1995: 251), в нем селькупам видится изображение собаки.

в верховья Васюгана с северной стороны³ (Байдак, Максимова, Тучкова 2010: 97). Там же упоминается о культовом месте с названием «Мужчина, превратившийся в собаку», которое находилось около юрт Напас на р. Тым. При этом, как утверждают авторы, сами юрты Напас — «Бога имеющие» (сельк. *Ноп* — «Бог») — имеют на селькупском языке другое название: *Кананванд* — «Собачья морда» (Байдак, Максимова, Тучкова 2010: 98). Эти материалы уже не оставляют сомнений по поводу соответствия селькупской мифической собаки тотемической концепции животного.

В приведенном выше описании земельных владений — вселенной верхнекетских селькупов, представлявшихся в образе живого организма — черной собакой *Лоз-сэг-канак*, обнаруживается соответствие селькупской мифологической собаки архаической идее о воплощении вселенной в огромном животном-предке (5-я концепция животного). Согласно данному представлению, наиболее ярко оно проявляется не в собаке, а в других образах селькупских мифологических животных — на спине животного-предка-вселенной находился земной мир, где жили селькупы, в утробе животного располагался мир потусторонний — нижний мир, мир мертвых, путь в потусторонний мир пролегал через рот/пасть/челюсти/клюв животного-предка. По-видимому, подобная «географическая» детализация имела и в образе собаки *Лоз-сэг-канак*, но не была зафиксирована исследователями.

Олицетворявшие вселенную мифические животные-предки по другой своей функции были «пограничниками» — стражами границы миров и людоедами, воплощая собой также механизм перехода границы. Человек, пересекавший границу, проходил через рот/пасть/клюв животного-духа-предка, где этим животным пережевывался/поедался. Таким способом в представлениях селькупов попадали на тот свет (и приходили с того света) умершие, новорожденные, шаманы и фольклорные герои. Переход границы миров связывался со смертью и рождением/возрождением человека в челюстях духа-«пограничника». Кроме того, животные-«пограничники» представлялись защитниками людей рода, который они возглавляли. Функции отнятия и дарения жизни придавали образу животного-«пограничника» ярко выраженную полярность.

Черты духа-«пограничника» четко просматриваются в селькупской мифологической собаке. Тесную связь собаки со смертью демонстрирует рассмотренный выше миф о происхождении смерти, правда, ни в одном из его вариантов не содержится физиологических сцен перехода границы миров. Описания или маркеры механизма перехода, носящего характер поедания, пережевывания, лишения человека телесной целостности, встречаются в других сюжетах селькупского фольклора, где действующим лицом является собака. В одном из текстов пестрая сука и черный кобель разрывают на части противника своего хозяина (Мифология 2004: 144). В другом сюжете собака спасает жизнь своей хозяйке — «девке», умерщвленной лягушкой: «Собака вырыла, съела и оживила хозяйку» (Пелих 1972: 348). В сказке «Лунный мальчик» собаки, принадлежащие женщине-Луне, пытаются спасти ее племянника от сестры-черта и разрывают его на две части (ПИМ 2014). В последних двух примерах собака-«пограничник», сохраняя связь со смертью, выступает в роли жизнедательницы, жизнеспасительницы.

Есть в селькупском фольклоре сюжет, представленный рядом текстов, где охотник встречается с хозяйкой леса/земли — лешачкой. Лешачка имеет две ипостаси — антропоморфную и зооморфную, она «на глаза показывается» в образе то женщины, то собаки, то женщины с собакой. Возможно, черная собака *Лоз-сэг-канак*, которую «часто видят» в своем лесу жители Верхней Кети, и есть такая лешачка. Собаку лешачки может заменять белка, соболь или песец, и при этом их тоже называют собаками. Чтобы получить охотничью удачу, охотник должен деликатно отказаться от предложения лешачки вступить с ней в сексуальную связь. Черта портрета лешачки — капкан или веревочная ловушка, положенная под шкуру или шубу, на которую

³ Интересно, что *Кызы* (субститут *Кана*) — сын чужеземного богатыря *Касы* и сестры матери *Ийя* (Прокофьева 1961: 56). Е. Д. Прокофьева связывает имя этого богатыря с названием племен древних *касов*, предположительно принимавших участие в этногенезе селькупов (Прокофьева 1961: 68, 73).

она предлагает лечь охотнику. Если он это сделает, то погибнет (Пелих 1972: 322–333, 340; Мифология 2004: 144, 184). Капкан под шкурой/шубой лешачки представляется аналогом, заменителем пасти/челюсти духа-«пограничника», а интимные отношения с ней соотносятся с поеданием/пережевыванием человека духом на границе земного и потустороннего миров. То есть образ собаки / хозяйки земли освещает другой вид механизма перехода границы, отличный от пережевывания, но похожий на него.

Но на этом варианты механизма перехода границы миров, которые отражает селькупская мифологическая собака, не заканчиваются. В материалах фольклора селькупов обнаруживается сказка, в которой люди никак не могли убить старуху-ворожейку, забиравшую рыбу из их реки. «Потом посмотрят — она опять живая. Так семь раз рубили ее, и ничего сделать не могли. А те люди, что рубили ее, потом с ума сошли. Тогда взяли, когда старуха спала, ее собачьим пометом помазали, и она сама кончилась» (Пелих 1972: 336). То есть в сказке смертоносное действие приписывается собачьему калу. Собачий кал связывается с физиологическим отверстием организма собаки, которое в представлениях селькупов тоже имеет статус «погранзаставы», ворот между мирами, и свой механизм перехода. В селькупском фольклоре часто встречается образ навозных куч-ловушек, расставленных чертом/*лозом*/людоедом и умерщвляющих человека через заглатывание (Мифология 2004: 188–189, 282; Гемуев 1984: 148). По действию, которое собачий кал и чертовы навозные кучи-ловушки производят в фольклоре, они, как и капкан, ассоциируются с челюстями/пастью/ртом духа-«пограничника». От навозной кучи к челюсти у селькупов протягивается также филологическая ассоциация: слово «челюсть» — *тимыллака* — в буквальном переводе с селькупского означает «зубная куча» (Мифология 2004: 282).

Материалов о собаке, напрямую подтверждающих мифологическую концепцию о циркуляции между мирами человеческой души / жизненного начала, на участке инобытия приобретающего облик или черты животного-предка, в мировоззрении селькупов мало. Для примера можно привести упомянутое выше название культового места около юрт Напас на р. Тым, звучащее как «Мужчина, превратившийся в собаку» (Байдак, Максимова, Тучкова 2010: 98). Однако доказывать эту концепцию отдельно нет необходимости: она вытекает из идеи о воплощении вселенной в огромном животном-предке с сочетающимся с ней механизмом перехода границы миров, которая только что была рассмотрена. Эти две идеи тесно связаны: если в мировоззрении имеет место одна идея, в нем присутствует и другая. Таким образом, люди, считавшие собаку своим предком, тотемом, после смерти, как им представлялось, превращались в собаку и проживали свою жизнь в потустороннем мире, имея черты собаки; возвращаясь в земной мир, они снова становились людьми (6-я концепция животного).

Образ селькупской мифологической собаки включает в себе все концепции животного, выявленные в селькупском мировоззрении. Однако собака выделяется из массы животных, с которыми связана жизнь селькупов, поскольку она и еще олень — их единственные домашние «питомцы», все остальные животные селькупской ойкумены дикие. Оленя при этом можно не принимать во внимание: возраст службы собаки человеку более двух тысячелетий, а домашний олень появился у селькупов менее 300 лет назад, до этого они имели дело с его диким сородичем. Поэтому закономерно, что мифологическая характеристика собаки отличается от характеристики других представителей фауны.

Особенных качеств у собаки два: первое — собака находится на службе у человека, второе — собака способна слышать/чувять духов и врагов и сообщать человеку об их приближении лаем. Никто из других мифологических животных не имеет ни подобных обязанностей, ни таких способностей. В фольклоре собака, почуявшая опасных гостей (например, медведя-людоеда, покойников или захватчиков-ненцев), лаем спасает своих хозяев; по отсутствию сигнальной реакции у собаки герои опознают своих близких, определяют их местоположение. В некоторых сказках, чтобы акцентировать способность собаки слышать/чувять, применяется даже особый художественный прием — законопачивание каким-то веществом собачьих органов чувств: «А у тети были

собаки хорошие, большие. Сестра-дьявол воронов послала, они салом оленьим им уши законопатили. Мальчик к дому подъехал — кричал-кричал. Не услышала его тетка. Мальчику кедровки помогли, выклевали у собак сало из ушей. Собаки его услышали» (ПМА 2014). Эти особенности мифологической собаки соответствуют характеристикам реальной собаки — домашнего животного селькупов, оценочный знак у них положительный.

В большинстве текстов о собаке она выглядит полезной и верной человеку. Тогда почему миф о происхождении смерти и появлении собаки опровергает ее верность и рисует отрицательный образ собаки-предателя? Только для того, чтобы иносказательно и «наглядно» описать разделение общества на две брачующихся половины и объяснить функцию собаки-духа-«пограничника»? Приведем здесь мифологический текст о появлении собаки, свободный от мотива происхождения смерти, упоминания героев, возглавлявших половины народа, и намеков на нюансы службы собаки-«пограничника». «Собака раньше с хозяином вместе ел и жил. Потом черт пришел, он лаяться начал. Хозяин черта убил. Черт (другой лоз) потом и говорит: “Ты все лаешь, мерзнешь. Я тебе дам свою шкуру”. Черт сменялся с ней. А Бог рассердился и сказал: “Теперь ешь то, что человек бросит”. Бог его проклял. А раньше у собаки была кожа, как у человека, ногти. Черт ему наказывал, как менялся: “Ты больше на меня не лай, когда приду и даже хозяина съем”. И собака согласилась. С тех пор так пошло, что человек не знает, когда лоз придет» (Пелих 1972: 341). Отсылки на объяснение общественного устройства и функций духа-пограничника остались за рамками этого текста, но проблема отрицательного образа собаки сохранилась. Можно предложить следующий вариант толкования этого сюжета: он описывает собаку — спутника человека, объясняет, почему она живет вместе с человеком, во многих чертах похожа на него, одинакова с ним по степени разумности, но при этом имеет звериную шкуру, несет тяжелое бремя службы человеку и терпит унижительное с его стороны отношение. То есть языком подобных нелицеприятных для собаки метафор мировоззрение объясняет ее отличия от всех остальных животных селькупского окружения.

В завершение исследования следует рассмотреть два вопроса — какой (еще) отпечаток оставила в мифологии селькупов хозяйственная роль собаки и как мифологические представления о собаке отразились на реальной жизни селькупов.

Главным качеством собаки у селькупов считались ее способности охотиться на пушного зверя, что всячески обыгрывалось в фольклоре. В сказке «Ича» герой-бедняк обманул людей местного богача, продав им втридорога собаку, которая якобы самостоятельно и очень успешно добывала пушного зверя (Сказки 1959: 163–166). Выше уже рассматривался образ хозяйки промысловых (пушных) угодий, принимавшей облик собаки, которая, вступая с охотником в отношения, в зависимости от их развития награждала или не награждала охотника удачей в промысле.

До середины XX в. у нарымских и туруханских селькупов практиковалось упряжное собаководство. Поэтому в фольклоре встречается образ «сильных, хороших, больших» ездовых собак, на которых герой может быстро ездить, уходить от погони и которые одновременно способны защитить его от недругов с помощью своих зубов и когтей. Придается значение количеству собак у героя — чем их больше, тем быстрее едет его упряжка и тем сильнее его защита от врагов (ПМА 2014; Прокофьев 1935: 108–109).

В реальной жизни представления о собаке отражались во множестве моментов. Все они связаны с тем, что собака могла чужь духов. Например, когда ребенка оставляли дома одного, с ним должна была находиться собака, которая защищала его от злых духов в отсутствие хозяев. На время шаманского камлания, наоборот, всех собак отводили в лес или дальний чум, чтобы вдруг не раздался их лай, поскольку шаман мгновенно лишался силы, если слышал лай собаки (Головнёв 1995: 256). Случайное присутствие собаки на обряде камлания могло стать причиной прекращения сеанса (Доннер 2008: 72). Собак отводили подальше от избы и привязывали, когда исполнялся обряд кормления домашних духов (Адрианов 1889: 3). Изоляция собаки во время обрядов объяснялась тем, что она, как считалось, отпугивала духов. При перемещениях шаманской

нарты ее след «топтали» собакой, т. е. «закрывали дорогу» компании духов, которая находилась в нарте, могла выйти оттуда и, найдя дорогу к людям, причинить им вред (ПМА 2019).

Селькупы следили, чтобы останки добытого на охоте зверя не доставались собакам, считалось, что несоблюдение этого правила приведет к последующим промысловым неудачам. Особенно строго запрещалось собаке прикасаться к костям, мясу и требухе медведя: в селькупках крепка была вера, что если запрет будет нарушен, медведь задерет оленей или отомстит самому человеку (Головнёв 1995: 251). По-видимому, собаке-духу нельзя было есть «плоть» себе подобных, этим действием она могла испугать или унижить бесплотный дух убитого людьми зверя.

Умершую старую собаку хоронили в могиле подобно человеку (Головнёв 1995: 252). В старину при погребении человека его собаку привязывали к дереву рядом с могилой и оставляли (Пелих 1972: 252), при этом собака рассматривалась как «покойному принадлежащее имущество», которое будет служить ему в ином мире, что, к слову, тоже является прерогативой мифологической собаки, отличающей ее от остальных животных.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, нами рассмотрены мифологические представления селькупов о собаке. Результатом исследования стали следующие выводы. Собака как мифологический персонаж заключает в себе все концепции животного, которые содержатся в селькупском мировоззрении: она представляется потусторонним существом — духом; кроме зооморфной формы имеет еще антропоморфную; отмечена чертами и поступками полярной направленности (ей присуще свойство дуальности). В образе мифологической собаки присутствует концепция тотемизма (от собаки-предка ведут свое происхождение селькупские родственные объединения) и космогоническая/мирообразовательная идея (собака участвует в создании элементов мироздания и постулирует законы жизни общества). Собака также олицетворяет собой идею о воплощении двух миров вселенной — земного и потустороннего — в теле огромного животного-предка. Дорога в потусторонний мир, видевшийся селькупам в чреве собаки, проходит через ее пасть, где «пережевываются», теряют и затем восстанавливают свою телесную целостность все, кто по ней путешествует, при этом они умирают в одном мире и возрождаются в другом. Второй и третий варианты механизма пересечения священной границы, которые дает образ собаки, связываются с двумя другим физиологическими отверстиям собачьего организма и соответствуют сексуальным отношениям человека с лещачкой — мифологическим субститутом собаки — и контакту с собачьими испражнениями. На селькупских мифологических материалах о собаке возможно также подтвердить идею циркуляции во вселенной человеческой души, имеющей на участке инобытия черты животного-предка.

Образ собаки отразил все концепции животного, которые имеются в селькупском мировоззрении, однако, поскольку собака была не диким, а домашним животным, ее мифологическая характеристика имеет свойства, которых нет у других животных. В образе собаки мифология языком метафор подчеркивает следующие ее особенности: собака живет вместе с человеком, равна ему по своим умственным способностям, но при этом вынуждена служить ему, взамен довольствуясь малым. К особым качествам собаки относится также ее способность чують духов и врагов и сообщать об их приближении человеку.

В мифологических представлениях селькупов нашла отражение роль, которую играла собака в их хозяйственной деятельности, и, наоборот, мифологические воззрения на собаку наложили отпечаток на обряды и другие моменты реальной жизни селькупов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- ПМА – полевые материалы автора из экспедиций в Туруханский район Красноярского края, 2014 г.; Красноселькупский район Ямало-Ненецкого автономного округа, 2019 г.
- Адрианов А. В. Забытые люди забытого края // Русские ведомости. 1889. № 9. С. 2–3.
- Байдак А. В., Максимова Н. П., Тучкова Н. А. Собака в языке и мифологии селькупов // Культура как система в историческом контексте: опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний. Материалы XV международной Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции, Томск, 19–21 мая 2010 г. Томск: Аграф-Пресс, 2010. С. 96–99.
- Ван Геннеп А. Обряды перехода. М.: Восточная литература РАН, 1999.
- Гемуев И. Н. Семья у селькупов (XIX — начало XX в.) / И. Н. Гемуев, отв. ред. Л. М. Русакова. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1984.
- Головнёв А. В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: УрО РАН, 1995.
- Доннер К. У самоедов в Сибири. Томск: Ветер, 2008.
- Кузнецова А. И. Канак (kanak) — собака // Мифология селькупов. Серия «Энциклопедия уральских мифологий». Томск: ТГУ, 2004. С. 142–144.
- Леви-Стросс К. Структурная антропология. М.: Наука, 1985.
- Мифология селькупов. Серия «Энциклопедия уральских мифологий». Томск: ТГУ, 2004.
- Народы Западной Сибири. Ханты, манси, селькупы, ненцы, энцы, нганасаны, кеты / отв. ред. И. Н. Гемуев, В. И. Молодин, З. П. Соколова. М.: Наука, 2005.
- Пелих Г. И. Происхождение селькупов. Томск: ТГУ, 1972.
- Пелих Г. И. Селькупская мифология. Томск: ТГУ, 1998.
- Прокофьев Г. Н. Селькупский (остяко-самоедский) язык. Селькупская грамматика. Ч. 1. Л.: Институт народов Севера ЦИК СССР, 1935.
- Прокофьева Е. Д. Представления селькупских шаманов о мире (по рисункам и акварелям селькупов) // Сборник МАЭ. Т. 20. М., Л.: Акад. наук СССР, 1961. С. 54–74.
- Пропт В. Я. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2005.
- Сказки народов Севера / сост., ред., предисл. и примеч. М. Г. Воскобойникова и Г. А. Меновщикова. М.-Л.: Гослитиздат, 1959.
- Степанова О. Б. Традиционное мировоззрение селькупов: представления о круговороте жизни и душе. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2008.
- Степанова О. Б. Мотив родственной вражды в фольклоре северных селькупов // *Oriental studies*. 2022. № 1. С. 169–178.

REFERENCES

- Adrianov A. V. Zabytye liudi zabytogo kraia [Forgotten people of the forgotten land]. *Russkie vedomosti*, 1889, no. 9, pp. 2–3. (In Russian)
- Baidak A. V., Maksimova N. P., Tuchkova N. A. Sobaka v iazyke i mifologii sel'kupov [The dog in the language and mythology of the Selkups]. *Kul'tura kak sistema v istoricheskom kontekste: opyt Zapadno-Sibirskikh arkheologo-etnograficheskikh soveshchaniy. Materialy XV mezhdunarodnoi Zapadno-Sibirskoi arkheologo-etnograficheskoi konferentsii, Tomsk, 19–21 maia 2010 goda*. [Culture as a system in the historical context: the experience of the West Siberian archaeological and ethnographic conferences. Proceedings of the XV International West Siberian Archaeological and Ethnographic Conference. Tomsk, May 19–21, 2010]. Tomsk: Agraf-Press Publ., 2010, pp. 96–99. (In Russian)
- Van Gennep A. *Obriady perekhoda* [Rites of passage]. Moscow: Vostochnaia literatura RAN Publ., 1999. (In Russian)
- Gemuev I. N. *Sem'ia u sel'kupov (XIX — nachalo XX veka)* [The family of the Selkups (XIX — early XX centuries)]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1984. (In Russian)
- Golovnev A. V. *Govoriashchie kul'tury: traditsii samodiitsev i ugrov* [Speaking cultures: traditions of the Samoyeds and Ugrians]. Yekaterinburg: UrO RAN Publ., 1995. (In Russian)
- Donner K. *U samoiedov Sibiri* [At the Samoyeds of Siberia]. Tomsk: Veter Publ., 2008. (In Russian)
- Kuznetsova A. I. *Kanak (kanak) — sobaka* [Kanak (kanak) — the dog]. *Mifologiya sel'kupov. Seriya "Entsiklopediya ural'skikh mifologii"* [Mythology of the Selkup. Series "Encyclopedia of Ural mythologies"]. Tomsk: TGU Publ., 2004, pp. 142–144. (In Russian)

Levi-Strauss K. *Strukturnaia antropologiia* [Structural Anthropology]. Moscow: Nauka Publ., 1985. (In Russian)

Narody Zapadnoi Sibiri. Khanty, mansi, sel'kupy, nentsy, entsy, nganasany, kety. Entsiklopediia serii "Narody i kul'tury" [Peoples of Western Siberia. Khanty, Mansi, Selkups, Nenets, Enets, Nganasans, Kets. Encyclopedia of the "Peoples and Cultures" series]. Ed. I. N. Gemuev, V. I. Molodin, Z. P. Sokolova. Moscow: Nauka Publ., 2005. (In Russian)

Pelikh G. I. *Proiskhozhdenie sel'kupov* [The origin of the Selkups]. Tomsk: TGU Publ., 1972. (In Russian)

Pelikh G. I. *Sel'kupskaia mifologiia* [Selkup mythology]. Tomsk: TGU Publ., 1998. (In Russian)

Prokofiev G. N. *Sel'kupskii (ostyako-samoyedskii) iazyk. Sel'kupskaia grammatika. Chast' I* [Selkup (Ostyak-Samoyed) language. Selkup grammar. Pt. 1]. Leningrad: Institut narodov Severa Publ., 1935. (In Russian)

Prokofieva E. D. *Predstavleniia sel'kupskikh shamanov o mire (po risunkam i akvareliam sel'kupov)* [Representations of the Selkup shamans about the world (based on the drawings and watercolors of the Selkup)]. *Sbornik MAE*. Moscow–Leningrad: Nauka Publ., 1961, vol. 20, pp. 54–74. (In Russian)

Propp V. Ya. *Istoricheskie korni volshebnoi skazki* [The historical roots of fairy tales]. Moscow: Labyrint Publ., 2005. (In Russian)

Skazki narodov Severa [Tales of the peoples of the North]. Ed. by M. G. Voskobinikov and G. A. Menovshchikov. Moscow–Leningrad: Goslitizdat Publ., 1959. (In Russian)

Stepanova O. B. *Traditsionnoe mirovozzrenie sel'kupov: predstavleniia o krugovorote zhizni i dushe* [The traditional worldview of the Selkups: ideas about the cycle of life and the soul]. St. Petersburg: Petersburg Oriental Studies Publ., 2008. (In Russian)

Stepanova O. B. *Motiv rodstvennoi vrazhdy v fol'klore severnykh sel'kupov* [The Motif of Kinship Enmity in the Folklore of the Northern Selkups]. *Oriental studies*, 2022, no. 1, pp. 169–178. (In Russian)

Submitted: 01.06.2022

Accepted: 16.02.2023

Published: 10.04.2023